

Руслан Имранович
Хасбулатов

**Моя историческая роль в том,
что я возглавлял
Верховный Совет России
в период перехода от социализма
к капитализму**

Первичный опыт: накопление опыта и знаний

Мое детство прошло в суровых условиях депортации нашего народа, на самом севере Казахстана, куда мы были выброшены в суровые морозы 1944 года. Жизнь была тяжелая, нас (трех братьев и сестру) поднимала на ноги наша мама (Нана — так ласково мы ее называли). Отец был директором крупнейшего на Кавказе машиностроительного завода «Серп и молот», его накануне нашей депортации поместили в больницу и там загубили. После возвращения из депортации мы нашли его могилу. Помню еще с детства, как Нана говорила: «Пока этот изверг (Сталин) на троне, не видать нам Родины — Кавказа...» Так я познал первый политический опыт — несправедливость.

Потом, учеба в МГУ, на юридическом факультете. Аспирантура на кафедре экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ, активная общественная студенческая деятельность. Я был спортивный, динамичный, очень активный. Наверное, поэтому ребята избрали меня своим комсомольским лидером, сперва на факультете, потом — секретарем комитета ВЛКСМ МГУ. Моими первыми профессорами были выдающиеся юристы и экономисты, например профессор Карев, он был помощником главного обвинителя СССР на Нюрнбергском процессе; профессор Кечекьян, ученик известного дореволюционного юриста, профессора Новгородцева (преподавал еще приват-доцентом а Санкт-Петербургском университете) и др. На экономическом факультете были не менее известные ученые — профессора М. И. Солодков, М. С. Драгилев, Ф. Я. Полянский, В. Я. Жамин, М. Н. Осьмова, С. С. Шаталин и др.

Поэтому, как мне представляется, ничего удивительного не было в моей последующей научной и политической карьере. Жесткие жизненные условия и твердые нравственные семейные принципы в сочетании с выдающимися учителями-наставниками сформировали мой характер, дали твердую базу для утверждения личности.

Еще в студенческие годы часто выезжал в составе молодежных делегаций в разные страны, сравнивая нашу жизнь с «ихней». Помню мой первый зарубежный выезд в ГДР: мы, студенты МГУ и Берлинского универ-

Р. И. Хасбулатов

ситета, с телебашни ночью смотрели на погруженный в темноту Восточный Берлин. А рядом, за стеной, светился всеми огнями, гирляндами Западный Берлин... Мы с юмором говорили: «Смотрите, как красиво загнивает капитализм, весь светится!»

В 60-е годы быстро возрастал объем международного общения молодежи СССР. МГУ имел многочисленные связи с университетами по всему миру, особенно в сфере студенческих обменов. К нам прибывали делегации студенческих советов со всего мира. Мы, в свою очередь, тоже часто выезжали. Там вели жаркие дискуссии по разным вопросам — от учебы до политики, от Вьетнама (тогда там шла война) и кубинских событий до проблемы прав человека в СССР, ввода войск Варшавского пакта в Чехословакию и т. д. В те годы я познакомился со многими западными молодежными студенческими лидерами, которые в 80–90-х годах стали известными политическими деятелями — парламентариями, министрами, дипломатами, менеджерами компаний и банков. Это был мой второй политический опыт. Думаю, искусство полемики я постигал в немалой мере именно в этот период.

В аспирантуре мне предложили тему по экономике Канады, надо было исследовать новые тенденции взаимодействия государства и корпораций. До сих пор мне смешно вспоминать свою молодую наглость, когда на заводе Форда в Канаде я пристал (это было в 1968 году) к местному менеджеру, чуть ли не требуя от него, чтобы он рассказал об отрицательных последствиях доминирования иностранного капитала. Представьте себе, я пытался ему доказать, что раз это канадское предприятие принадлежит американцам, значит, их капитал отбирает национальный суверенитет Канады! Мой собеседник просто не мог понять (как нормальный профессионал-управленец), чего я хочу от него.

Тема моей кандидатской диссертации, отметим, современно звучит в сегодняшней России — я изучал государственный сектор в экономике Канады и организацию его управления, причем особенно внимательно изучал формы взаимодействия государства и бизнеса. Исследовал, как государственный сектор «встроен» в рыночную экономику и как он реально управляется (тогда в развитых странах Запада доминировала кейнсианская модель). Кстати, вскоре после защиты кандидатской диссертации, будучи ответственным работником ЦК ВЛКСМ, я посетил Свердловск с целью оказания помощи в деле экономического просвещения молодежи области. Там и позна-

Р. И. Хасбулатов

1960–1970

Студент юридического факультета МГУ им. Ломоносова, аспирант кафедры экономики зарубежных стран экономического факультета МГУ; секретарь комитета комсомола МГУ

1970–1972

Инструктор, ответственный организатор сектора экономического просвещения молодежи ЦК ВЛКСМ

1978 — наст. время

Заведующий кафедрой мировой экономики Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова

1990

Первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР

1990–1993

Председатель Верховного Совета РФ

комился с Борисом Ельциным — тогда завотделом Свердловского обкома КПСС. Какого-то серьезного впечатления он на меня не произвел — таких было множество. И вспомнил его я, лишь когда он стал первым секретарем московского горкома КПСС.

Горбачевская эпоха: демократия, перестройка, гласность — романтический период

Конец 80-х годов прошлого века был эпохой своего рода «романтического порыва» к переменам в Советском Союзе. У людей тогда появилась реальная надежда на то, что можно многое сделать, изменить в своей экономической жизни, добиться лучших условий, проявить активность в конкретном деле. Этому способствовала фактическая отмена цензуры. Газеты стали интересными, в журналах появлялись замечательные статьи наших ученых-экономистов. В тот период у меня стали также выходить разные публикации в столичных газетах и журналах, в том числе в «Правде» (главный печатный орган Компартии) с критикой экономической политики. Я на основе зарубежного опыта анализировал экономическую (и в частности, ценовую и финансовую) политику СССР. Так, я резко выступил против намерений правительства повысить цены на товары первой необходимости. Признавая, что они неоправданно занижены, я одновременно указывал, что такое повышение цен нанесет слишком сильный удар по нашим людям, они в основной массе и так живут в бедности. А потому надо начинать экономическую реформу не со снижения уровня жизни населения. Я предлагал в первую очередь обратить внимание на упорядочивание переработки товаров. У нас же основная проблема всегда была не столько в производстве продуктов питания, сколько в переработке и доставке до потребителя. Также я говорил о кооперации, расширении деятельности малых форм хозяйственной деятельности. Тогда в «Правде» вышла моя статья о ценовой политике, которая вызвала огромный интерес в обществе и страшный скандал. В ЦК сделали внушение главному редактору газеты, академику В. Г. Афанасьеву. Виктор Григорьевич, очевидно, понимал, что его ждет, когда давал согласие на эту публикацию, но он был сильной, смелой и интересной личностью: участник Отечественной войны, военный летчик (ставший незаурядным философом и социологом). Но в действительности пострадал после публикации моей статьи в «Правде» в августе 1986 года Н. Т. Глушков, председатель Госкомитета по ценам СССР. После двадцати лет службы на этом посту¹, он был снят с работы. Тогда реакция на выступления газет в Советском Союзе нередко еще бывала самой серьезной и немедленной²...

¹ С августа 1975 года. — *Прим. авт.-сост.*

² Сам Виктор Григорьевич Афанасьев тоже проработал после этого недолго в газете «Правда». В 1989-м он ушел в отставку. После перепечатки в газете статьи итальянского журналиста Витторио Дзукконы из итальянской газеты «La Repubblica» об алкоголизме Ельцина (в то время это еще не всеми воспринималось как реальный факт), против него была организована кампания массовых протестов. В. Г. Афанасьев недолго после этого прожил, он умер в 1994 году. — *Прим.авт.- сост.*

Затем была еще одна большая статья «Бедные люди Отечества» в «Комсомольской правде», главным редактором ее тогда был Геннадий Селезнев. Было множество других публикаций в газетах и журналах, выступления по радио и телевидению, участие в разных публичных дискуссиях по проблемам экономической политики правительства СССР. К этому времени я стал консультировать профессора Святослава Федорова, талантливого организатора новых форм хозяйственной деятельности.

Многие способные экономисты в то время группировались вокруг известного ученого, академика Леонида Ивановича Абалкина. Вспоминаю прежде всего талантливого ученого-теоретика, профессора Николая Климова, заместителя Абалкина по Институту экономики АН СССР (он рано ушел из жизни). Абалкин во времена перестройки организовал школу-семинар на реке Нара, и многие экономисты и практики-хозяйственники со всей страны пытались проникнуть на этот семинар. Здесь действительно шли жаркие дискуссии, обсуждались самые серьезные научные экономические и практические проблемы страны. В одном из своих выступлений на этом семинаре я сделал роковое заявление: «Есть два пути реформ. Один демократический, другой диктаторский, или авторитарный. По второму пошли в Чили: концентрация абсолютной власти в руках диктатора, который проводит нужные реформы, а затем «дарит» народу демократию. Но у нас уже была одна диктатура, и с содроганием можно учитывать (теоретически) этот вариант развития...» Это было произнесено мной в 1986 году. Спустя 5 лет эти мысли стали навязчиво повторять ельцинисты.

В этот период происходило мое знакомство со многими будущими предпринимателями и банкирами. Одним из них был Владимир Виноградов, основатель Инкомбанка. Он работал тогда каким-то клерком в Промстройбанке, не имел экономического образования (окончил МАИ), по его рассказам, до этого работал на заводе «Атоммаш». Он просил у меня совета, как ему организовать частный банк. «А вы знаете вообще, что такое частный банк?» — спросил я его. «Нет, не знаю», — ответил этот рослый парень-увалень, больше похожий на прораба-строителя, чем на будущего крупного банкира страны. Мне стало грустно. Кто только не приходил тогда ко мне, прося совета, как стать банкиром, владельцем ресторана, магазина, завода по переработке овощей, по производству джинсов и т. д. и т. п. Однако тогда я заметил: «Если вы сумеете сколотить вокруг себя группу опытных экономистов-финансистов, профессионально знающих, что из себя представляет банковская система вообще, что банк — это сложное дело, тогда я смог бы вам давать какие-то советы». Вскоре он представил мне двух-трех парней из своей будущей команды, и я согласился помогать ему.

Мой интерес состоял в том, что я всю жизнь занимался зарубежной экономикой, в общем виде был хорошо знаком с функционированием банковских институтов и я хотел попытаться претворить эти знания на практи-

ке. Так или иначе мы помогли ему сформировать концепцию частного банка, и вскоре Инкомбанк уже был успешно зарегистрирован. Не хочу сказать, что сыграл определяющую роль в этом, я всего лишь укрепил веру Владимира в собственные силы, дал ряд советов, впрочем, так же, как и многим другим. Ныне некоторые из них хорошо известны, другие, позабыты... В большей степени я помог Виноградову тогда тем, что содействовал его вхождению во влиятельные научные круги, игравшие все более заметную роль в начавшихся в стране преобразованиях. Прежде всего привел в подмосковную «школу Л. И. Абалкина», где тогда, как я выше указывал, группировались реформаторы-практики, съезжались молодые и уже не очень молодые, социально активные люди, часто занимавшие видные позиции во власти. И внимательно прислушивавшиеся к тому, о чем говорят и спорят ученые-экономисты. Возможно, поэтому Виноградову быстро удалось занять заметное место в системе частных банков. Последующее его падение, как мне представляется, во многом было связано с порочной кадровой политикой (отсюда гибельная банковская стратегия) и неумным «наставничеством» некоторых людей, имена которых называть не хочу.

Поразительно, как быстро менялась страна. Я ведь еще недавно работал с Г. Х. Поповым в Научном совете АН СССР по проблемам научно-технической революции. Как-то мы заговорили с ним о проекте издания нового учебника (это было в начале 70-х годов). Я предложил Гавриилу Попову: «Может быть, мы с тобой создадим вдвоем курс маркетинга, подготовим учебник?» Он, смеясь, ответил: «А ты уверен, что кроме нас во всей стране это слово кто-нибудь еще слышал?!» Мы оба засмеялись. Потом согласились, что, может быть, еще в Институте США и Канады или ИМЭМО что-то слышали о маркетинге. Мы весело смеялись и отставили это дело как несвоевременное. И вдруг все заговорили о рынке, хотя и о «социалистическом», «новом нэпе», «китайских реформах» и пр. Все это вдохновляло на активность, на деятельный поиск.

Отметим, тогда в Советском Союзе было очень ограниченное число вузов и научно-исследовательских институтов, которые глубоко изучали западную экономику на уровне технологий реальной деятельности бизнеса. Но в Плехановском институте была группа ученых, которые неплохо знали эти вопросы, читали курс лекций в Хельсинкской высшей школе экономики, занимались изучением деятельности конкретных частных компаний.

Мэр Большого Лондона Кен Ливингстон выступил против расстрела парламента в 1993 году не только потому, что он как подлинный либерал не любил Ельцина — партбонзу и диктатора по природе, — мы с ним были знакомы со студенческих времен. Так же, как и с рядом парламентариев других стран. Например, нынешний вице-мэр Лондона Джон Росс еще в 1992 году согласился стать консультантом в созданной мной в Верховном Совете аналитической группе (возглавляемой профессором

Р. И. Хасбулатов

Анатолием Илларионовичем Милюковым). В то время, когда Ельцина консультировали монетаристы (главным образом американцы во главе с Джеффри Саксом), в Верховном Совете, можно сказать, преобладала британская (кейнсианская) школа. Мы были за введение мягкого, западноевропейского варианта капитализма.

В середине января 1992 года я предложил Ельцину уволить практически недееспособное правительство Бурбулиса — Гайдара, однако в то время большинство депутатов Верховного Совета меня не поддержало. После расстрела Белого дома концепцию Сакса (так называемый вашингтонский консенсус) в полном объеме приняла только ельцинская Россия, но ни одна страна Восточной Европы.

Моя практическая работа в органах высшей власти началась в 1988 году, когда я по рекомендации Л. И. Абалкина стал консультантом (на общественных началах) у вице-премьера Совета министров СССР по социальным вопросам А. П. Бирюковой. Это был очень интересный, романтический период ожидания крупных перемен. Московская интеллигенция была в восторге от Горбачева. А ученые-экономисты получили возможность публиковать свои взгляды на страницах столичных газет и журналов. Тогда стали известными широкой публике имена Л. И. Абалкина, Н. Н. Шмелева, С. С. Шаталина, Г. Х. Попова, Н. Я. Петракова и многих других наших ученых. Все они и, конечно, я с восторгом приветствовали горбачевские реформы как путь к нормальному рынку, подвергая критике существующие экономические порядки, давая рекомендации по их изменению. Тогда же приходилось консультировать новых народных депутатов СССР. Приехавшие из разных уголков России новые парламентарии тогда пытались ориентироваться в своей деятельности на популярных ученых-экономистов и юристов, они нуждались в нашей помощи. И мы им ее оказывали. Плехановский институт и наш факультет (международных экономических отношений) фактически стал мощным консультационным центром для народных избранников. Многие депутаты и молодые предприниматели сновали по коридорам и кабинетам нашего института, требуя от нас советов и консультаций. Вместе с Павлом Буничем и Юрием Якуниным (тогда главный редактор «Экономической газеты», потом был у меня консультантом в группе А. И. Милюкова) мы в 1988 году проводили и первый съезд кооператоров. Среди делегатов съезда были уже и банкиры. Мы тогда в проект закона о кооперации предложили включить целый раздел о кредитно-финансовой деятельности кооперативов. Многие наши разработки в закон вошли, однако как раз этот раздел выбросили. Бунич тогда очень расстроился, был раздосадован в крайней степени: в итоговом тексте осталось только полфразы со словами о том, что кооперативы могут создавать «...и банки». К сожалению, все черновики, которые я хранил от той бурной эпохи, в 1993 году остались в Белом доме, не знаю, сохранились ли они или погибли в пламени горящего парламентского дворца.

**Создание российской банковской системы:
политические условия, в которых происходило
это становление**

Моя историческая роль в становлении новой России обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что я возглавлял Верховный Совет России в этот переломный период, председательствовал при трансформации социализма в капитализм, сознательно и активно продвигал страну на этом пути, руководил процессом законодательного подведения базы под указанную трансформацию. Но сразу же хочу оговориться, что мои представления о капитализме отличались от представлений ельцинских «реформаторов» как небо и земля. Поэтому Верховный Совет предложил альтернативную программу, но она была отвергнута ельцинистами.

В начальный период депутаты не совсем ориентировались в приоритетности подразделений комитетов и комиссий парламента. Например, в подкомитете по банкам, возглавляемом Юрием Михайловичем Ворониным, человеком опытным, порядочным, было всего три человека — он, Воронин, В. П. Рассказов и В. В. Скрипченко, но и они слабо разбирались в этой теме. Вскоре высокую активность стал проявлять Александр Починок, показавший себя хорошим организатором¹.

Еще в ходе I съезда народных депутатов, после принятия Декларации о суверенитете России, я предложил Ельцину создать свой, российский банк для организации внешнеэкономической деятельности. Он поддержал это предложение, и постановлением I съезда народных депутатов Верховному Совету и правительству поручалось создание Внешэкономбанка РСФСР. Однако я осознал свою ошибку — название дублировало союзный Внешэкономбанк, поэтому в ходе XI внеочередного съезда народных депутатов я предложил съезду изменить его название на Внешторгбанк, что и было сделано. А вот постановление о создании Центрального банка России я вынес на обсуждение Верховного Совета в июле 1990 года, и без каких-либо осложнений оно было принято.

За основу уставных положений Внешторгбанка мне предложили взять статус одного шведского банка. Наши специалисты, входившие в мою группу консультантов, быстро его доработали и передали в подкомитет Воронину. Более сложной была работа по подготовке нормативных документов Центрального банка (и его агентов), поскольку он занимал ведущее место во всей формирующейся (двухуровневой) банковской системе. Надо сказать, что свободных интеллектуальных ресурсов у нас для подготовки в целом проектов нормативных документов тогда не было никаких. И для решения первостепенных вопросов я тогда по согласованию с Ельциным заказал Институту системных исследований подготовку концепции по реализации декларации. Нас интересовало, каков мини-

¹ В действительности Ю. М. Воронин сразу стал членом Верховного Совета и председателем Комиссии Совета Республики Верховного Совета по вопросам бюджета, планам, налогам и ценам. А вот подкомитет по банкам возглавлял В. П. Рассказов, его заместителем был В. В. Скрипченко. Больше никто в подкомитет не входил. — *Прим. авт.-сост.*

Р. И. Хасбулатов

мальный набор факторов, который надо взять под контроль, чтобы овладеть ситуацией в России. Сам я примерно это себе представлял, но мне для серьезного личного разговора с Ельциным нужен был внешний анализ, причем быстрый, буквально за неделю. И вот мне дали этот «набор из 27 факторов», подчеркнув, что прежде всего нужна «своя банковская система», а также «набор средств воздействия на экономику» (причем не только законодательных), которые позволили бы разработать экономическую политику правительства России. Создание «своего Центробанка» было одним из первых и самых главных условий для децентрализованного управления РСФСР, не говоря уже о самостоятельности России и ее самостоятельном взаимодействии с союзными республиками. И вот встречаюсь я с Ельциным, передаю ему этот документ и говорю: «Борис Николаевич, вот какие нам необходимы инструменты, чтобы у нас был свой объект руководства, то есть Российская Федерация. Тогда мы будем не только всем жаловаться, что у нас ничего нет (в смысле прав и полномочий), и мы ничего не можем делать, а сможем реально влиять на ситуацию. Сами сможем сформулировать и отстаивать свои права и полномочия — и законодательно, и управленчески!» Ельцин всем этим тогда очень заинтересовался. Я, конечно, не стал загружать президента и подсократил текст до 4–5 страниц основных выводов специалистов. Борис Николаевич вернул документ и дал указание: «Разрабатывайте план неотложных мер для новой власти России!»

Это был июнь 1990 года; потом, когда и Геращенко, и Горбачев пытались ликвидировать и Центробанк, и Внешторгбанк России, я им отвечал: «Мы не покушаемся на основные функции Центра, а стремимся к автономии в экономической политике. Такая практика действует даже в унитарных государствах!»

Я понимал, что Центральный банк, если мы намерены хотя бы в какой-то степени реализовать положения Декларации о суверенитете, нужен намного больше, чем Внешторгбанк. Однако предложил не выносить вопрос о его создании на съезд, чтобы избежать дискуссии с явно негативными последствиями. Часть депутатов-коммунистов стала бы обвинять руководство России в попытках подрыва Союза.

Первым премьер-министром России после принятия Декларации о суверенитете Российской Федерации стал Иван Степанович Силаев (август 1990 года). На мой взгляд, Силаев был высокопрофессиональным управленцем, знал экономику страны, особенно ВПК (он долгие годы курировал авиапромышленность), обладал новаторским мышлением, но был очень деликатный для «кризисного менеджмента». Особенно для той группы лиц с хамскими замашками, которых с собой привел в правительство Ельцин. Силаеву очень сильно мешали нормально работать, с одной стороны, ельцинские революционеры, с другой — твердолобые советские специалисты типа Г. Кулика. Часто и первые, и вторые дерзили деликатному Силаеву, и помнится, мне пришлось раза два уговорить зарвавшихся министров. Скажу, что Иван Степанович как

профессионал был на голову выше не только Гайдара и Черномырдина, но и всех последующих премьеров России. Я вспоминаю его, как светлую голову, обладающую большим пониманием чувства исторической перспективы России. У нас была бы совсем другая страна, если бы ему дали нормально работать во главе российского правительства совместно с парламентом.

Ельцин, а еще больше его приспешники сразу же после подавления Верховным Советом ГКЧП вынудили его уйти. Ельцин самовольно, не проконсультировавшись с парламентом, распустил правительство Силаева, а его рекомендовал на какую-то должность «координатора союзных органов власти» — совершенно безвластный орган. И вплоть до конца октября, когда начал свою работу съезд народных депутатов, ни в СССР, ни в Российской Федерации не было высшего органа исполнительной власти. Снова мне и Президиуму Верховного Совета фактически приходилось выполнять функции правительства — ведь я не мог бездействовать, наблюдая, как гибнет государство. Отмечу и то, что, создавая финансово-экономические институты для Российской Федерации, мы (во всяком случае могу твердо сказать о своих намерениях), вовсе не стремились «подорвать» экономическую систему СССР. Ее надо было децентрализовать, передать большинство полномочий в союзные республики. Они, как я мыслил, должны, в свою очередь, передать значительные экономические функции в провинции (области, края, республики) и далее — в местные советы.

Например, создавая банковские институты, мы не стремились создавать свой собственный эмиссионный центр, проводить какую-то «особую» финансовую политику и т. д. Однако мы имели право и стремились создать собственные (то есть Российской Федерации) финансовые институты, опираясь на которые, стали бы реально влиять на ситуацию и координировать ее, в том числе в регионах Российской Федерации. В том смысле, что если Россия ставит и перед союзными органами вопрос, ее касающийся, то он подлежит рассмотрению и решению в обязательном порядке. Если коллеги из Союза не согласны с нашим проектом решения, то надо дискуссировать и обсуждать его на уровне специалистов, а не отвергать заранее на базе известного изречения: «Не ваше дело!» Нельзя нас, российскую власть, игнорировать (и бюрократически «забалтывать»), как было до этого! Если мы вместе хотим решить проблемы страны, неизбежно найдется какой-то компромисс, не ломающий всю систему, но улучшающей ее. То есть мы решительно выступали за децентрализацию принятия решений — и нахождение наиболее оптимальных их вариантов, причем, беря на себя всю полноту ответственности за крупнейшую республику СССР — Российскую Федерацию.

Мне не сложно было убедить Ельцина в принятии нужных решений в направлении такой политики. На этом этапе (летом 1990 года) я даже убедил его, что нам нужен координирующий центр в лице союзных структур и мы не должны требовать их «демонтажа» (как этого добива-

лись некоторые его советники). И дело не просто в том, что Россия тогда не была готова взять на себя ответственность. Просто мы не считали нужным создавать свой СССР-2! Однако «там» (в ЦК КПСС, в правительстве, Госплане и Госбанке СССР) догматически цеплялись за прежнюю централизованную полноту своих неопределенно-беспредельных полномочий, не желая на деле диалога с республиками и разумного самоограничения. В этом была трагедия Горбачева — развернув демократический процесс в стране, он полагал, что и далее должен сохранять «хороший центр», не видя, что в движение пришли силы снизу, к ним надо прислушиваться. На словах Горбачев признавал за союзными республиками какие-то права. К реальному разделу полномочий (вместе с «зонами ответственности») носители союзных властей не были готовы категорически! Возможно, отсюда и многие трагедии, и распад СССР. При этом я не снимаю ответственности с российских политиков, включая себя, за многие действия. Понятно, как я отношусь к Б. Н. Ельцину (и особенно ко многим мелким и наглым фигурам в его окружении), действительно сознательно в карьерных целях взявшим курс на уничтожение СССР. Однако вина в развале нашей общей страны СССР лежала не только и не столько на Ельцине и в целом на российском руководстве, включая меня, а на деятельности самих союзных властей. Так я думал тогда, когда это произошло и я находился у власти, так же я продолжаю думать и теперь, после всего коварства, предательства и подлости, совершенных Ельциным и его приспешниками.

Причина появления в последний день заседания Верховного Совета (13 июля 1990 года) проекта постановления о создании Центрального банка РСФСР (и о том, что все хозяйственные субъекты на территории России должны платить налоги прямо в российский бюджет) не была непосредственно связана с очередным обострением противоречий между Ельциным и Горбачевым, как это принято думать. В этой связи отмечу: лично я, понимая, что от бесконечной конфронтации двух лидеров проигрывают все, проигрывает страна, пытался сблизить их позиции и находить совместные решения конкретных проблем. Для этого мне быстро удалось найти общий язык с Георгием Шахназаровым, влиятельным помощником Горбачева, человеком очень образованным, деликатным. Он взял на себя «убеждение Горбачева», а я — «убеждение Ельцина» в необходимости нахождения взаимоприемлемых решений. Георгий как опытный «переговорщик» хорошо умел убеждать. Человек он одновременно опытный, умный и мягкий, прошедший войну, а потом огонь, воду и медные трубы политической практики. В экономике Шахназаров (философ, историк, социолог) не разбирался, но блестяще разбирался в политике, людях, особой психологии политических деятелей. Тогда и появилось совместное распоряжение Горбачева и Ельцина о создании рабочей группы по экономической реформе.

В августе 1990 года Ельцин серьезно решил (после дорожно-транспортного происшествия — он столкнулся с «Москвичом», который вел какой-

то пенсионер), что на него было организовано покушение. Сильно пал духом, мне и Силаеву пришлось усиленно его успокаивать, ободрять (убедили его переехать в Архангельское — по соседству со мной). И вот после того, как Борис Николаевич пришел в себя, он осмелел и впал в крайний агрессивный радикализм, заявил, что «объявляет войну Центру — пусть они видят, что мы их шантажа и угроз не боимся!» Снова пришлось его уговаривать и успокаивать, а затем с трудом спровадить на длительный отдых в санаторий на Северном Кавказе.

По моим планам вышеупомянутое постановление Верховного Совета РФ о создании Центрального банка должно было быть принято не в последний день работы Верховного Совета, со скандалом на весь мир, а осенью, более спокойно, в соответствии с нашим общим планом, о чем я выше рассказал. К тому же лично у меня с премьером СССР Николаем Рыжковым к июлю сложились вполне нормальные рабочие отношения. Это был умный, порядочный человек и государственный деятель. Я увидел, что он серьезно настроен на договоренности о реальном разделе полномочий с Центром (вместе с «зонами ответственности»), готов был к диалогу, но его дергали со всех сторон, он уже устал и измучен, поэтому мало что мог реально делать. Я в тот период часто встречался и с моим добрым старшим товарищем, академиком Л. И. Абалкиным, известным ученым-экономистом. Мы, представители научной интеллигенции, много ожидали от этого назначения. Но, когда я сам был во власти, я понял, насколько она бывает порою иллюзорной.

Леонид Иванович как-то иронически сказал мне, что он вице-премьер только на бумаге, постоянно происходит что-то странное, даже решения, принятые на самом верху, пробуксовывают. Он, Абалкин, например, что-то решает или согласовывает с премьером или порою с президентом, а на выходе — совершенно иное решение (или его полное отсутствие), документ передается забвению. Позже я столкнулся с зеркальным повторением этой ситуации в своих отношениях с Ельциным — это стало происходить после разгрома ГКЧП. Но, учитывая злобный характер президента, ситуация носила другой, более напряженный характер, чем во взаимоотношениях на уровне СССР.

Возвращаясь к известному постановлению Верховного Совета, отмечу, что соответствующие проекты готовились у премьера Ивана Силаева и в моей аналитической группе и мы согласовывали их основные положения. Но поводом для принятия постановления именно в последний день заседания Верховного Совета (перед каникулами) послужило известное «ночное письмо», подписанное рядом наших депутатов, в частности Юрием Ворониным и Александром Починком, а также министром финансов правительства Борисом Федоровым и группой банкиров. Они, хорошо зная общую ситуацию в стране, поддерживали намерение руководства Верховного Совета по созданию российского Центрального банка. Мне кажется, это письмо, скорее всего, появилось тогда с целью оказать давление на меня. Я был сторонником неспешных, последовательных

Р. И. Хасбулатов

шагов, и решение о создании Центрального банка было нами запланировано на период после окончания II (внеочередного) съезда народных депутатов (сентябрь 1990 года). Хотя, повторяю, соответствующая нормативная база нами готовилась заблаговременно. «Ночное письмо» было использовано ельцинистами в целях ускорения реализации нашего общего плана, но в конфронтационных формах, с интригой, подчеркивающей именно «борьбу» с Центром.

Особой интриги («детектива») для знающих людей во всей этой затее не было. Зато появилась очередная сенсация, пресса снова разрезвонила на весь мир о разногласиях между Горбачевым и Ельциным. Все это было довольно грустно, я чувствовал себя весьма неуютно. Все эти игры в революции, борьбу с Горбачевым (к которому я испытывал большое уважение) мне, человеку рационального мышления, были чужды, я не видел в них смысла. Как мне представлялось, Горбачев и Рыжков, которым надоели бесконечные дискуссии вокруг программ по экономической реформе (включая «500 дней»), готовы были согласиться со многими нашими требованиями относительно передачи Центром экономических полномочий властям Российской Федерации.

Но я был «главным» человеком Ельцина, и не просто член его команды. К тому времени я уже стал, как назвал меня один из ельцинистов, «главной линией обороны и наступления¹». Это касалось прежде всего моей роли в Верховном Совете и на съездах народных депутатов: кроме меня, никто из заместителей Ельцина не мог решать сложные вопросы. А если учитывать, что расклад сил был примерно 50 : 50, ясно, что угроза смены руководства Верховного Совета была постоянной. Тогда была реальная демократия, власть не могла ее игнорировать. Попробуй демократию нарушить — немедленно восстал бы народ, не говоря уже о том, что Горбачев, зорко наблюдавший за нашими действиями, «поправил бы ситуацию» (одоблив законное отстранение Ельцина).

Я был человеком Ельцина, стержневым лицом всей его команды, но способный принимать самостоятельные решения (иначе политик превращается в заурядного бюрократа, неспособного оказать серьезную помощь своему боссу в тяжелые времена). Поэтому, пытаюсь, конечно, смягчить некоторые слова, действия Ельцина, я неуклонно, с самого начала нашей совместной работы, стремился проводить в жизнь его решения, корректируя их (в ходе обсуждения на приватной основе), если это было необходимо. Для меня понятия чести, верности товарищам, общему делу, данному слову — не были никогда пустым звуком. Я снова и снова прокручиваю в памяти те, уже далекие события 1990–1993 годов, вспоминаю, как бережно я относился к Ельцину в тяжелые для него времена травли центральной печатью, когда в ряде случаев его политическая карьера буквально «подвисала», держась на тонком волоске. От меня, и только от меня зависело — оборвется ли этот волосочек или превратится в упругую

¹ Печать прозвала Хасбулатова «Верный Руслан». — *Прим. авт.-сост.*

стальную пружину. При всех своих ошибках и заблуждениях я не совершил ни одного аморального проступка, не изменил своей внутренней присяге на верность ни Ельцину, ни друзьям, ни товарищам, ни Государству, ни тем более Народу. В то же время с полным основанием могу сказать, что предательство в отношении лично меня, Парламента, Конституции и Народа совершил Ельцин. Он предал (и продал) меня. Не будет ему чести в Истории. Предатель, как Иуда, он и войдет в Историю предателем. Говорю об этом с горечью и сожалением, без какого-то злого чувства. И очень плохо, что он ушел из жизни, не представ перед судом за свои злодеяния.

А тогда, в те лихие времена, я стоял как утес, защищая Ельцина от многочисленных и могущественных противников во всех сложнейших перипетиях колоссальной исторической драмы, развернувшейся на просторах СССР.

Больших проблем с голосованием на сессии Верховного Совета у меня не было — депутаты стали доверять мне, особенно когда речь шла о принятии финансово-экономических документов. О моем влиянии на парламентариев свидетельствует такой факт. Как-то Ельцин предложил утвердить заместителем главы правительства своего давнего соратника, Олега Лобова. Дважды сам ставил на голосование — решение не принималось (не хотели депутаты видеть Лобова в этой должности). Ельцин расстроен, обращается ко мне: «Нужен мне Лобов, я обещал ему!..» Отвечаю: «Поручите это дело мне, Борис Николаевич!» И буквально через 10 минут Лобов был утвержден в должности заместителя главы правительства. Возвращаюсь в кабинет Ельцина, докладываю ему: «Все в порядке, Лобова утвердили!» Ельцин доволен и удивлен, расплылся в улыбке...

Надо отметить еще один штрих. Большую роль играла фракция коммунистов — единственная по сути партийная фракция. И хотя она составляла чуть более одной четверти членов Верховного Совета, но в силу крепкой партийной дисциплины определяющим образом могла влиять на результаты голосования. Так вот, на ее позиции имел значительное влияние депутат Юрий Михайлович Воронин, опытный хозяйственный руководитель, человек рассудительный, с которым всегда можно было договориться. Я это понял с самого начала нашей работы и стал согласовывать с ним наиболее важные финансово-экономические законопроекты. С начала 1992 года он стал моим первым заместителем и по сравнению с Сергеем Александровичем Филатовым (ушедшим главой администрации к Ельцину и сыгравшим роковую роль в нашей судьбе), работал с большой пользой для общего дела. Очень жалко, что такие люди, как Юрий Михайлович, остались невостребованными даже в условиях, когда к власти в России пришли новые люди (в постельцинскую эпоху). Могу уверенно сказать, что Воронин, несомненно, мог быть хорошим заместителем премьера, министром экономики или финансов. Это был человек с новаторским мышлением, гибким умом, огромным опытом, хорошо знающий экономику России, ее регионы, множество людей. Жаль.

Возвращаюсь к истории создания российских государственных банков. Еще в мае, в ходе работы I съезда народных депутатов, я собрал в Плехановском институте группу ученых, с которыми был хорошо знаком долгие годы, — Николая Климова, Владимира Третьякова, Кима Таксира, Геннадия Смирнова, Эдуарда Кубрина, Александра Михайлова, Владимира Галанова, Ширяева и других, из Института экономики АН СССР, Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Института США и Канады АН СССР, Финансового института, Института международной конъюнктуры МВТ СССР. Среди них, кстати, были Г. Г. Матюхин и В. М. Телегин. Я поставил перед ними задачу, как и каким образом реализовать положения Декларации о суверенитете, не взламывая целостность общей экономической системы СССР. Была выдвинута задача разработки нормативных актов по созданию двух государственных банков России — центрального и банка для осуществления международных операций — Внешэкономторгбанка. Разработки группы и легли в основу нормативных актов, создавших банковскую систему России.

Банкиров-специалистов, которые хорошо разбирались бы в практической деятельности банков в капиталистической экономике (в условиях рынка), в СССР тогда не было. А те из отечественных «банкиров», которые работали за рубежом в разных финансовых учреждениях (типа Московского народного банка в Лондоне, Сингапуре, Ливане и пр.), на деле, как я с удивлением выяснил для себя, довольно посредственно представляли общую картину деятельности банков, зная лишь весьма ограниченный круг чисто технических вопросов. Видимо, отбор этих товарищей был настолько стерильным, что они в конечном счете представляли из себя довольно сереньких людей-специалистов, не способных ни к серьезному анализу ситуации, ни к оригинальным обобщениям. Исключением не были ни В. Геращенко, ни Ю. Пономарев, поэтому, как мне кажется, от этих «практиков» не было никакой пользы.

К началу нашей работы в парламенте (май 1990 года) в СССР существовала не переходная экономика, а именно Творческий Хаос, как сказал Тютчев. И ученые с практической жилкой разбирались в этом Хаосе гораздо лучше, чем практики с многолетним стажем, которые, по сути, были растеряны, потеряв нити административно-бюрократической системы. Поэтому при создании республиканской банковской системы я вынужден был рассчитывать только на себя и на ученых-специалистов.

Напомню, что в этот период, вплоть до августовских событий 1991 года, у меня с Ельциным не было расхождений, он мне доверял, как самому себе, а я ценил это доверие.

Вспоминается такой эпизод. Ельцин с лета 1990 года много болел, часто выезжал в регионы и за границу. Естественно, что все ложилось на меня, даже вопросы, связанные с приемом и увольнением персонала Верховного Совета. Я, как первый заместитель председателя, в соответствии с распределением обязанностей между председателем и его заместителями, мог принимать на работу и увольнять только технических работников.

А решения по ответственным работникам принимал лично Ельцин. В результате кадровые решения блокировались из-за отсутствия председателя на «рабочем месте». У нас образовывались проблемы. В один из очередных моих визитов к нему домой для согласования целой группы вопросов Ельцин вдруг спросил меня: «Руслан Имранович, почему вы до сих пор не поставили передо мной вопрос о том, что было бы целесообразно передать вам полномочия по приему и увольнению и ответственных работников аппарата? Я ведь часто отсутствую, а кадровая работа — это слишком серьезное дело». Ответил: «Борис Николаевич, прошу прощения, но это всецело ваш вопрос. Но если считаете нужным, я буду выполнять и эту работу». Так вся кадровая работа в Верховном Совете легла на мои плечи.

В сентябре Ельцин подписал какую-то бумагу с представителем одной европейской компании. Вскоре обнаружилось, что этот представитель — авантюрист и развернул бурную деятельность по «монетизированию» ельцинской подписи. Хорошо, что Ельцин сообщил мне об этом вовремя, — я мобилизовал свои каналы, и скандала удалось избежать. Но после этого случая твердо договорились — все финансово-экономические бумаги Ельцин подписывает только после моего визирования. От скольких неприятностей эта договоренность нас избавила — не счесть! Скажу и другое: Ельцин неуклонно придерживался этой договоренности даже после своего избрания президентом России 12 июня 1991 года — вплоть до прихода нового правительства и распада СССР.

Полагаю, в силу такой надежной уверенности во мне он не сомневался и в том, что на роль руководителей новых российских банков я подберу людей максимально толковых. Поэтому, когда я предложил ему встретиться с кандидатом на пост председателя Центрального банка России Георгием Матюхиным, он ответил: «Руслан Имранович, я о нем слышал, он профессионал и человек порядочный. Раз вы решили его назначить, назначайте. Я очень занят, нет времени, да и смысла. Ну что я ему скажу: «Молодец, работай!» Это и вы скажете ему сами. И поздравьте его от моего имени. Депутатам передайте, что это наша совместная кандидатура. Будем считать вопрос решенным!»

Георгий Матюхин оказался превосходным организатором банковского дела, хорошо знающим (и познающим, что очень важно) рыночную среду и важнейшее место банковских институтов в этой среде. Он по праву является одним из главных организаторов новой банковской системы в стране. Практически с нуля были созданы и Центральный банк и Внешторгбанк, осуществлена гигантская работа по трансформации финансово-банковской системы в новых условиях. Причина успеха очевидна — это была сфера ответственности парламента. Если бы так же успешно была осуществлена трансформация всей экономики (сфера ответственности правительства), наша страна ныне была бы не просто страной с «процветающей экономикой» и «бедным населением», а страной, в которой не было бы бедности, и правящие круги в конце 90-х не мечтали бы об «уровне Португалии»!

Мягкость и интеллигентность Матюхина в тот сложный (революционный!) период приводила иногда к забавным ситуациям, некоторые из которых мне запомнились. Еще в самом начале процесса формирования Центрального банка направил я Георгия Гавриловича принимать дела у О. Н. Тарасова в российском отделении Госбанка СССР (на его базе мы создавали «свой» банк). Вернулся Матюхин растерянный, говорит: «Не пускает меня охрана в помещение!» Я распекаю его за нерешительность, а в это время входит популярный в те времена союзный и российский депутат, Герой Социалистического Труда Михаил Александрович Бочаров. Михаил Александрович, кстати, баллотировался в российские премьеры, но проиграл Ивану Силаеву в ходе парламентских обсуждений. Очень жалко, что после ухода Силаева Ельцин отказался рассмотреть его кандидатуру (как, впрочем, и кандидатуры Святослава Федорова, Юрия Рыжова и ряда других достойных людей). Я тут же обращаюсь к гостю: «Михаил Александрович, может быть, вы с вашим авторитетом сможете войти в свое здание председателю Центрального банка России? Помогите Матюхину вступить в должность!» Бочаров задает вопрос: «А что делать, если и меня не пустят?» — «Ну, — говорю шутливо, — возьмите в нашем МВД взвод автоматчиков и прорывайтесь с боем!» — «Задачу понял!» — отвечает знаменитый парламентарий. Ушли. Вскоре возвращаются оба довольные — всего добились, даже вывеску поменяли. Вместо «Государственный банк СССР» повесили «Центральный банк России». И без автоматчиков обошлось, правда не без шума и скандала. Вместе с Бочаровым «порядок навели» уже упоминавшийся мной наш депутат из банковского подкомитета бюджетного комитета Верховного Совета В. П. Рассказов. Он вскоре стал первым зампредом Центрального банка (на короткое время), пытался играть роль банковского комиссара республики, эдакого Дантона.

Воронин, Починок и Рассказов тогда сделали много полезного для создания банковской системы России: хотя Рассказов, точно выполняя мои предписания, все-таки был анархистом и бузотером. Придет в ЦБ России, сядет, положив ногу на ногу, и заявляет: «Теперь наше время! Я здесь комиссар!» Мягкий и интеллигентный Г. Г. Матюхин с таким замом-хунвейбином здорово намаялся. А вот Саша Починок всегда с любыми поручениями справлялся очень ответственно и успешно.

«На ковер» к Горбачеву. Попытка задуть нарождающуюся банковскую систему России. Мои переговоры в Кремле

Ничего разрушительного в создании некоторой автономной системы, состоящей из двух-трех банков, подконтрольных властям Российской Федерации, не было. Тем более, когда речь шла о переходе всей экономики СССР на рыночные отношения, нелепостью было рассматривать их появление в качестве угрозы целостности финансово-банковской системы страны. Стране нужны были не только эти два банка, но сотни раз-

ных банков, создающих общую финансово-рыночную среду, — прежде всего за счет аккумуляции средств и кредитования новых агентов рынка. Возможно, этого мог не знать Михаил Горбачев, но Виктор Геращенко как банкир, много лет проработавший в зарубежных советских банках, это обязан был знать. И не воевать с Матюхиным, а умело распределить полномочия и, более того, помогать в создании Банка России. Мог он и встретиться со мной, объяснить то, чего я не знаю. Он и союзные руководители, ведающие финансово-экономическими вопросами, к тому времени хорошо осознавали, что многие важные идеи российских властей в этой сфере исходят от меня. Так нет же — «великий банкир» (этот, видите ли, Геракл — не смешно ли?) упрямо предпочитал легкий путь руководства — привычные методы административно-бюрократической системы.

И вот раздается телефонный звонок, помощник президента Горбачева соединяет меня с ним. «Руслан, — обращается Горбачев ко мне, — зайди-ка ко мне часов в 7 вечера, есть разговор». — «Хорошо, Михаил Сергеевич, буду у вас», — отвечаю я. Должен сказать, что ко мне Горбачев относился неплохо, доброжелательно, я часто встречался с ним в Кремле на его многочисленных совещаниях-заседаниях, посвященных разным проблемам — Союзному договору, союзному бюджету, Ельцин тогда Михаила Сергеевича откровенно побаивался и избегал встреч и поэтому направлял на них меня. Эти встречи-заседания продолжались вплоть до августа 1991 года, и за это время я хорошо узнал руководителей и СССР, и союзных республик, сдружился со многими из последних.

Прибыв в Кремль к Горбачеву, застал у него Геращенко. Михаил Сергеевич пригласил к столу и сразу же приступил к делу.

— Мне Геращенко доложил, Руслан, что вы с Ельциным взламываете единую финансово-банковскую систему страны. Этого нельзя допустить. Я подготовил проект указа, вот он, — сказал президент, протянув мне проект своего указа. — Но я хотел прежде предложить вам самим отменить все ваши нормативные документы по созданию российских банковских учреждений. Так было бы лучше. Что скажешь, Руслан?

— Это невозможно, Михаил Сергеевич, да и какой смысл в этом? Видимо, Геращенко ввел вас в заблуждение — никакого взламывания единой банковской системы не происходит! Создавая наши весьма слабенькие банковские учреждения, мы вовсе не претендуем стать ни эмиссионным центром (этого нет в уставе нашего ЦБ), ни главным кредитным учреждением России. Речь идет...

— Нет-нет, мы не будем здесь устраивать дискуссии, — перебивает президент, — я хочу, чтобы ты знал — я подписываю этот указ, если ты не заверишь меня в том, что в ближайшее же время вы прекратите игры с банками и ликвидируете их сами.

— Михаил Сергеевич, такого заверения я вам дать не могу. Это мог бы сделать Борис Николаевич, поговорите с ним, но я выступаю против та-

Р. И. Хасбулатов

кого их закрытия. Мы с огромными трудностями сумели создать нечто, похожее на банки, а вы требуете их уничтожения. Да еще собственными руками. Это невозможно. Нам нужны сотни банков, даже на уровне местных советов, муниципальные банки...

— Ну, ты опять в дискуссию, — перебивает меня Михаил Сергеевич. — С Борисом Николаевичем я не говорил и не собираюсь говорить! Знаю, что затея с российскими банками — это твоя затея! Ему нет дела до банков — он занят другими делами, — усмехнулся Горбачев. — Вот ты и поговори с ним. Даю срок до завтрашнего дня, позвони мне или Геращенко и сообщи о твоём с Ельциным решении. Если добровольно не пойдёте на решение этого вопроса, к вечеру я подписываю указ о ликвидации ваших банков.

— Михаил Сергеевич, в этом случае я вынужден буду созвать внеочередной съезд народных депутатов для преодоления вашего указа, — отвечаю президенту страны. Одного вашего указа недостаточно. К тому же ваш указ будет противоречить Конституции и СССР, и РСФСР. Так нельзя решать эти вопросы...

— Это ваше дело, можете созывать съезд или не созывать, я все сказал. Иди и советуйся с Ельциным....

За все время нашего разговора — он длился примерно один час, насколько я помню, — Геращенко не проронил ни слова. У меня не было зла на Горбачева — я прекрасно понимал, что всю эту возню с указом затеял глава Госбанка СССР Виктор Геращенко, человек, весьма далекий от участия в проходящих в стране реформах. Если судить по банковской системе СССР, она вплоть до падения Советского Союза продолжала действовать буквально в прежних, окостеневших формах. Уже создавались акционерные и частные банки, причем с огромными трудностями, чинимыми Госбанком СССР, мощно развернулось кооперативное движение, движение арендаторов. Для их развития необходимы были финансовые рынки, соответственно, должны были формироваться множество банков и иных инвестиционных институтов, но Госбанк стоял как скала на страже интересов Госбанка СССР. Подспела и денежная реформа Павлова—Геращенко: замена крупных купюр, буквально взорвавшая денежную систему (при заверении Геращенко по телевидению, что он «скорее пойдет на отсечение обеих рук, чем допустит обесценивания рубля»¹). Приблизительно то же самое (несколько позже) Ельцин говорил о том, что скорее «ляжет на рельсы, чем допустит ухудшения материального положения людей в результате ценовой реформы» начала 1992 года. В общем, зол я был необычайно на Геращенко. Но Михаил Сергеевич, надо отдать ему должное, не подписал этот геращенковский проект указа — видимо, понял, что, если он его подпишет, это вызовет новый виток политического обострения в стране.

¹ В действительности В. В. Геращенко заверял, что не будет обмена пятидесятирублевых купюр. — *Прим. авт.-сост.*

Смещение Матюхина. Геращенко — глава Центрального банка России

В свете указанных событий понятны мои возражения в 1992 году против его назначения руководителем ЦБ (после фактического завершения становления всей банковской системы новой России). Тогда вдруг началась возня в печати, а затем в разговорах членов правительства, да и самого Ельцина стала все чаще произноситься фамилия Геращенко, который якобы «должен прийти на смену Матюхину, «не справляющемуся» с обязанностями главы Центробанка. Это меня удивило и насторожило — с какой стати по сути провалившийся главный банкир СССР вдруг понадобился реформаторам? То обстоятельство, что Матюхин вызывал сильнейшее раздражение в правительстве реформаторов, отказываясь подчинить им Центральный банк и настаивая на том, что в рыночной экономике ЦБ — это мощное самостоятельное звено во всей финансово-банковской системе страны, не было секретом. Секретом для публики оставалось то, что новые реформаторы пытались буквально загнать ЦБ в свою новую административную вертикаль, полностью лишив его самостоятельности. И неуступчивость Матюхина толковали чисто в пропагандистском плане: дескать, Матюхин — человек Хасбулатова, поэтому он «плохой», мешает «хорошим реформам» «хорошего ельцинского правительства». СМИ, разумеется, подхватили такое толкование.

Но Матюхин был неуступчив по природе мышления, он понимал закон буквально, как и полагается банкиру. Помнится, при регистрации Мосбизнесбанка возникли какие-то проблемы, и Сергей Станкевич несколько раз звонил мне, жалуясь на Матюхина, который задерживает регистрацию этого банка. Я, относясь с уважением к московским городским властям (Станкевич был заместителем председателя Моссовета у Г. Х. Попова), в свою очередь звонил Матюхину, просил поддержать. Георгий Гаврилович говорил мне, что в курсе дела, соглашался ускорить прохождение вопроса, но упрямо добивался (и добился!) устранения всех формальных и неформальных ошибок и недостатков в учредительных документах Мосбизнесбанка. И таких случаев было множество, к ним я уже привык.

Поэтому, когда Ельцин впервые заговорил о том, что он хотел бы видеть на посту председателя ЦБ России не Матюхина (который, по его мнению, работает плохо), а Геращенко, моему удивлению не было конца. Я напомнил Ельцину о банкротстве задолго до конца СССР банковской системы СССР, денежной реформе Павлова—Геращенко, препятствиях, чинимых последним при создании российской банковской системы, и даже о поддержке Геращенко ГКЧП. Ельцин не смог что-либо ответить, замаялся и прекратил разговор на эту тему.

Полторанинские¹ СМИ свирепствовали, «размазывая» Матюхина, выискивая недостатки, просчеты и всячески восхваляя будущего главу ЦБ Виктора Геращенко. Все это вызвало мое сильнейшее раздражение. И когда

¹ Михаил Полторанин — министр пропаганды в ельцинском правительстве. — Прим. авт.-сост.

Р. И. Хасбулатов

в очередной раз Ельцин заговорил о необходимости смены главы ЦБ, я довольно жестко пресек это разговор, сказав, что, нам нужна смена не руководителя ЦБ, а правительства, которое в отличие от банка не знает, что ему делать. Ельцин был расстроен, молчал, пауза затянулась. «Борис Николаевич, — обратился я к нему, — давайте поступим следующим образом: созывайте у себя совещание с моим участием, пригласите Гайдара, Федорова (министра финансов), еще кого-нибудь, кого вы считаете нужным. Пусть участники выскажутся откровенно по всем вопросам работы банка и его председателя. Если обнаружатся какие-то провалы, о которых я не знаю, даю слово — я немедленно поставлю вопрос о Матюхине на Верховном Совете и сниму его. Правда, я не уверен, что нам взамен ему нужен Геращенко. Но ведь можно подобрать и другую кандидатуру, получше». «Нет, мне нужен Геращенко!» — ответил Ельцин, соглашаясь с идеей совещания. Но встречу так и не провел, продолжая всякий раз при наших частых встречах настаивать на изменениях в главном банке страны. При одной из такого рода наших бесед Ельцин вдруг перешел на «просительные ноты». Если бы он давил как прежде, я отверг бы его очередные домогательства, но этого я уже вынести не мог! Видеть Ельцина униженно просящим было сверх моих сил! До сих пор не пойму, что заставило его пойти на это. Я дал согласие на замену Георгия Матюхина Виктором Геращенко. Конечно, главным мотивом при этом было мое стремление избежать конфликтного развития отношений с президентом, я полагал, что моя уступка в этом важном для Ельцина вопросе может помочь в сглаживании других противоречий, которых хватало.

Пригласил Матюхина, объяснил ситуацию. На душе было скверно, знал, что совершаю явную несправедливость в отношении этого скромного, но весьма способного, волевого человека, который в тяжелые времена не дрогнул и фактически создал в рекордно короткие сроки банковскую систему России в самых неблагоприятных для этого условиях. Матюхин было расстроен беспредельно, но как порядочный и умный человек не стал спорить со мной, молча написал заявление о добровольном уходе. Жаль, что ни Ельцин, ни правительство не использовали способности этого человека на другой ответственной работе — им не нужны были талантливые люди (впрочем, как не нужны и в наши времена), подбирались люди типа «чего изволите?».

Так руководителем Центрального банка стал Виктор Геращенко, человек с большим апломбом, умеющий гладко говорить, иногда с юмором, и непревзойденный хитрован. На заседании Верховного Совета большинство депутатов явно было недовольно такого рода банковским переворотом, но скрепя сердце посчитались с моим мнением. Многие догадывались (вездесущая пресса постаралась), что речь идет о компромиссе с Ельциным. Тогда же, на заседании парламента, я дал первое, причем публичное поручение новому главе Центробанка: «Виктор Владимирович, — обратился я к нему сразу же после голосования, утвердившего его в должности, — печать много пишет о фальшивых авизо, в том числе че-

ченского происхождения. При этом делает чуть ли не открытые намеки на их связи с председателем Верховного Совета! Как будто любое преступление, совершенное представителем той или иной национальности, связано с национальной принадлежностью руководителей государства. Но для меня в этом вопросе принято делать приятное исключение. *(Депутаты засмеялись.)* Поэтому даю вам время — один месяц, разберитесь с этими авизо! Выясните, где ноги растут! По данным, которые мне предоставил заместитель министра МВД Дунаев, эти ноги растут не из, а отсюда, из Москвы, из уважаемых и влиятельных кругов, в том числе из наших новых частных банков. Разберитесь и доложите!»

Депутаты, довольные, поддержали это мое предложение. Скажу сразу, Геращенко это наше поручение не выполнил, бесконечно заверяя нас, что продолжает работать, а пропаганда, игнорируя колоссальное обогащение значительного круга московских влиятельных лиц на эти пресловутые авизо, прочно связала их исключительно с утечкой капиталов в Чечню. Это, разумеется, была очень удобная версия для начинающейся идеологической подготовки населения к фальшивой (как и сами авизовки) версии о вине чеченцев во всех бедах России (маневр, отвлекающий общество от разрушительных действий самой власти). Геращенко заверил меня в том, что он предложит новую концепцию модернизации банковской системы страны, в большей степени соответствующую нашим реалиям. Но ничего, разумеется, не предложил и не сделал — созданная до него банковская система оказалась достаточно гибкой и не нуждалась в коренных изменениях. Геращенко это быстро понял и на мои вопросы относительно того, когда ждать его новых идей и предложений, стал отвечать довольно уклончиво. И вдруг — указ президента о включении председателя ЦБ в состав правительства. Вызываю Геращенко, требую объяснить, что это такое? Где он видел в рыночных странах, чтобы глава Центрального банка входил в состав правительства? Оправдывается, говорит что-то сумбурное, якобы готов написать заявление об уходе из банка. «Вам надо не из Центрального банка уходить — отвечаю я, — мы не можем каждый месяц менять его главу. Вам надо немедленно выйти из состава правительства, не будьте смешным. Вы должны координировать политику ЦБ с деятельностью правительства, Минфином, это очевидно, но входить в состав правительства, подчиняясь ему, — это откат назад! Вы что, не понимаете этого?» Примерно так объяснял я задачи ЦБ опытному банкиру, который, конечно же, знал, что он делает. После этого он написал заявление и вышел из состава правительства, но осадок остался. Ведь дал же согласие Геращенко на такое решение, прекрасно осознавая его нелогичность. Так мог действовать лишь циник. Мое недовольство им было велико!

Конечно, огромную роль в становлении всей современной банковской системы России сыграл закон «О банках и банковской деятельности», разработанный указанной выше группой и нашими депутатами. Консультантов было множество, в том числе профессора банковского дела

из Цюрихского (Швейцария) и Гронингенского (Нидерланды) университетов. Закон был очень прогрессивным, как считали международные эксперты, один из лучших в мире. И, по моему глубокому убеждению, ныне существующая банковская система все еще не адекватна этому закону: отечественные банки, и государственные и частные, не просто консервативны, а действуют по методам XIX века, полагая своей единственной целью извлечение сверхприбыли. Их не интересует жизнь клиента (если очень богат — тогда другое дело), состояние его семейного бюджета, его личного (скромного) бизнеса. А ведь эта социальная сторона стала уже чуть ли не главной в деятельности европейских банков. Поэтому стяжательство, погоня за сверхприбылью, предлагаемые кабальные условия загоняют российские частные банки на периферию успешных мировых банков. Отсюда их панические обращения к власти с требованиями защитить их от вторжения в страну иностранных банков — им живется вольготно в условиях монопольной «обираловки» клиентов.

Следует отметить следующую важную особенность, свойственную тогдашнему российскому парламенту Верховному Совету, его мощные конституционные полномочия, отсутствие каких-либо лоббистских групп, явно или тайно отстаивающих чьи-либо интересы (особенно деловые интересы каких-либо групп), полное отсутствие коррупционного фактора при избрании и деятельности депутатов. При этом подавляющее большинство наших парламентариев были реальными лидерами, победившими своих противников (в среднем на каждого из депутатов приходилось по 4 соперника) в жесткой конкурентной борьбе посредством критики действующей тогда партийно-государственной бюрократической системы (хотя многие и сами были членами КПСС, как и Ельцин). Поэтому тогдашние депутаты избрали своим лидером Ельцина (меня — его первым заместителем), хотя вся государственно-партийная машина во главе с Горбачевым выступала решительно против. Затем этот парламент успешно противостоял ГКЧП, опрокинул его (август 1991 года) и в течение двух недель сражался уже с Ельциным (1993 год), предавшим того, кто его породил, — российский парламент, Конституцию, изменившим Присяге, Совести и Чести.

При этом просто отвратительно наблюдать, как повели себя некоторые из самых близких Ельцину людей, хлебавших тогда из одного корыта с ним, травивших Верховный Совет и его Председателя (например, Михаил Полторанин и Вячеслав Костиков), внесших личный вклад в формирование искусственных противоречий между мной и Ельциным, непосредственно виновных в расстреле 4 октября (то есть совершившие тяжкие государственные преступления, как Коржаков). После своего позорного изгнания из «ближнего круга» они без зазрения совести стали на путь критики своего бывшего босса, избличая его во всех тяжких грехах! Лучше бы они молчали, не вызывали бы к себе презрения!

Участие Центрального банка и Виктора Геращенко в ликвидации опасного кризиса 1992 года

Надо отдать должное и Виктору Григорьевичу Геращенко — он многое сделал для ликвидации острейшего кризиса неплатежей летом 1992 года. Не многие знают, что правительство Гайдара пало не в декабре 1992 года, отправленное в отставку VII съездом народных депутатов (когда съезд избрал премьером В. С. Черномырдина), а летом 1992 года. Оно фактически обанкротилось и самораспустилось под грузом всего того, что сотворило. В наиболее четких очертаниях это банкротство обнаружилось в так называемых неплатежах предприятий из-за отсутствия наличных средств. Такова была политика правительства Гайдара и министра финансов Федорова, вытекающая из рекомендаций МВФ и, в частности, положений «вашингтонского консенсуса», которым они неукоснительно следовали. «Сжатие» денежной массы привело к тому, что 80% предприятий страны или вообще не работали, или работали не в полную мощность, — денег не хватало не только на поддержание производственных условий, но даже на заработную плату. И это при том, что процесс ежедневного обесценивания рубля продолжался, по каналам негосударственных финансов и частным «теневым» каналам перемещались огромные денежные потоки, финансируя незаконные процессы приватизации и иные сомнительные сделки в Центре и регионах. Правительство не видело в этих явлениях проблемы для себя, но упрямо душило государственные предприятия, из которых состояла вся экономика (до начала массовой приватизации). В результате в стране к лету 1992 года сложилась крайне взрывоопасная ситуация: ускоренно росли бедность и нищета населения, начиналась новая волна забастовочного движения. При этом инспирируемые СМИ люди свой гнев часто обращали на Верховный Совет. Мне приходилось бесконечно мотаться по регионам страны, выступая с разъяснениями экономической и политической ситуации. И надо сказать, общественное мнение стало быстро меняться в пользу Верховного Совета. Но общую ситуацию в стране это не меняло. Множество сигналов свидетельствовало о том, что недовольство общества властью настолько велико, что оно перестает интересоваться тем, кто прав: президент Ельцин с правительством или Хасбулатов с Верховным Советом. Была реальная угроза массовых волнений и сметения всей власти без разбора.

После августа 1991 года мы обещали проведение таких реформ, которые улучшили бы положение народа. И вот к середине 1992 года, ровно через год после наших обещаний, российский народ стал в материальном смысле жить чуть не вдвое хуже: реальные заработные платы резко снизились, люди потеряли былую уверенность в завтрашнем дне в результате ликвидации и остановки своих предприятий. В моих поездках в регионы меня часто сопровождали члены правительства, особенно Александр Шохин. Как умный человек, он видел катастрофу людей, их глубокое разочарование во всех нас. Для них все мы были одной властью. Люди-то это понимали, а вот в Кремле и на Старой площади — нет;

Р. И. Хасбулатов

здесь все проходило по водоразделу «они» и «мы». «Они» — это, конечно, враги реформ. В общем, обстановка была критическая, и я несколько раз встречался с президентом и подробно докладывал ему о социально-экономической ситуации в стране, в том числе мои впечатления о поездках в регионы. Президент не реагировал. Надо было срочно предпринять реальные действия по недопущению новой революции, а она на горизонте маячила. Тогда мне удалось убедить Ельцина в том, что я мог бы сам, через соответствующие оперативные постановления Президиума Верховного Совета и действия Центрального банка, решить проблему неплатежей. Он нехотя согласился, у меня оказались развязанными руки. Эту работу я поручил одному из своих заместителей Валентину Агафонову. Президиум принимал нужные постановления относительно взаимозачетов с участием Центрального банка, представителей регионов и директоров предприятий, а также профсоюзов. Это была гигантская по сложности задача, требующая наличия большого по численности аппарата работников-исполнителей. Для этого я использовал весь наш многочисленный и неплохо профессионально подготовленный аппарат Верховного Совета. Эти люди хорошо знали ситуацию в регионах и умело действовали в направлении ликвидации мощного социально-экономического кризиса, развернувшегося не в силу неких «нереформируемых коммунистических структур» и не в силу «сопротивления реформам», как любили утверждать ельцинисты (и утверждают до сегодняшнего дня), а единственно в силу полного отсутствия профессионализма в деятельности ельцинского правительства.

В такой обстановке Геращенко показал себя просто превосходно, возможно, потому, что любой экономический кризис (даже в развитой капиталистической стране) преодолевается прежде всего с опорой на административные методы (а не рыночные), а ему, Геращенко, такие подходы были ближе, соответствовали его менталитету. Но во всяком случае я помню этот большой личный вклад Виктора Владимировича в решение самого острого кризиса начала 90-х годов. В первых числах сентября 1992 года кризис был в основном побежден, достигнута относительная стабилизация, к тому же четко действовал Пенсионный фонд, подконтрольный Верховному Совету, обеспечивающий 30 млн пенсионеров.

В этот момент вдруг оживает правительство Гайдара, затевает новый виток противоречий с Верховным Советом, видимо, осознавая, что близится его конец. Ко мне на прием напрашивается президентско-правительственный «гуру» Джеффри Сакс. Признается, что они потерпели фиаско, просит дать Гайдару (и ему, Саксу) второй шанс. Я иронически говорю, что в настоящее время американская экономика в глубоком спаде, может быть ему, опытному реформатору, попробовать использовать свои знания у себя на родине, в США? Не понимая иронии, Сакс отвечает: «Ну что вы, Руслан Имранович, кто мне разрешит участвовать в этом деле в США?» Присутствующий при этом руководитель аналитической группы профессор Анатолий Милюков громко смеется. Сакс растерян...

Сразу же после ГКЧП фактически распались союзные структуры власти. Как я уже упоминал, на огромных просторах Союза царило безвластие. Союзно-республиканские власти как могли пытались справиться с ситуацией в пределах своих республик. А в России Ельцин разогнал правительство Силаева и медлил с формированием нового правительства. Так получилось, что Президиуму Верховного Совета в явочном порядке пришлось принимать чисто правительственные решения, в том числе связанные с упорядочением деятельности союзных финансово-банковских учреждений. До конца 1991 года мы фактически осуществили предварительную ревизию Государственного банка СССР, Госстраха, создав Госстрахбанк как аффилированный ЦБ России банк, уточнили уставные обязанности Внешторгбанка и Внешэкономбанка в соответствии с новыми условиями (распад СССР), позже упорядочили устав Агропромбанка, привязав его к деятельности потребительской кооперации, и т. д. Довольно оперативно утвердили на заседании Президиума составы правления (директоров) этих банков по представлению Матюхина. Что касается утверждений Ю. В. Пономарева о том, что он был приглашен к Ельцину и тот задавал ему «умные вопросы (в количестве 5!), это мне смешно¹. Если Ельцин не нашел времени встретиться с руководителем Центрального банка России при его назначении на эту должность, откуда вдруг интерес к обанкротившемуся банку и его бывшему руководителю², к тому же не без основания подозревавшемуся в том, что он и повинен в банкротстве (то есть в исчезновении ресурсов из банка)? Кстати, на Президиуме тоже возникли аналогичные сомнения — относительно целесообразности назначения Пономарева на должность руководителя Внешэкономбанка. Помнится, я тогда сказал, что сомнения есть и у меня, но сейчас у нас просто нет времени заниматься этим вопросом, пусть пока Пономарев находится в банке — «будет лучше, а то еще сбежит». Все засмеялись и утвердили его руководителем банка (временно). Я что-то не помню, чтобы мне что-либо говорили на тему о его кандидатуре Гайдар или Ельцин. Если бы говорили, то вспомнил бы.

Идеология контрреформаторов: чертики, выскочившие из доктрины «вашингтонский консенсус»

Обреченность намеченных правительством Ельцина реформ мне стала совершенно очевидной вскоре после того, как я подробно ознакомился с основными программными документами, представленными мне Егором Гайдаром после завершения работы съезда. По мере того как я читал эти документы, становился ясным искусственный характер задуманных мероприятий, отсутствие какой-либо основы для их проведения. И более того, я ловил себя на мысли, что мне уже приходилось читать

¹ См. рассказ Ю. В. Пономарева в книге Н. И. Кротова «История советских и российских банков за границей». М.: «Экономическая летопись», 2007. — *Прим. авт.-сост.*

² Ю. В. Пономарев до 1992 года не был руководителем Внешэкономбанка СССР. — *Прим. авт.-сост.*

аналогичные тексты или очень близкие к ним по содержанию материалы. Вспомнил: это же рекомендации группы американских экономистов, известные как «вашингтонский консенсус»! Мой аспирант из какой-то страны Латинской Америки принес на кафедру из своего посольства этот увесистый документ незадолго до начала работы I съезда народных депутатов (в мае 1990 года).

История его возникновения такова. Все 80-е годы развивающиеся страны, особенно латиноамериканские, находились в сильнейшем долговом кризисе. МВФ и Вашингтон предпринимали все возможные меры, чтобы вывести континент из кризиса как регион особых интересов Америки. Был, в частности, утвержден специальный «план Брэйди» (по имени министра финансов США), предполагающий мощную финансовую помощь этим странам, списание большей части долгов, либерализацию торговли и т. д. Ничто не помогало — страны континента все глубже вползали в трясину финансового и экономического кризиса. Вот тогда, в начале 1990 года, и появился на свет этот самый пресловутый «вашингтонский консенсус».

«Вашингтонский консенсус» как программа и план деятельности, таким образом, первоначально был предназначен исключительно для группы стран Латинской Америки, находившихся в безнадежной долговой зависимости от международных финансовых учреждений и кредитов банков США. Главными задачами «консенсуса» было достижение финансовой стабилизации любой ценой, что обеспечило бы возврат долгов этих стран. Этим странам и было предписано принять программу «вашингтонский консенсус», а непосредственное руководство по введению ее в действие обеспечивал МВФ. «Консенсус», разработанный профессором Дж. Уильямсоном, включал следующие 10 пунктов:

- денационализация (приватизация) государственного сектора экономики,
- финансовая либерализация (то есть свобода действия иностранных финансово-кредитных институтов, следование национальных финансовых секторов в русле предписаний МВФ),
- достижение конкурентоспособности валютных курсов,
- жесткая финансовая дисциплина (сокращение государственных расходов, снижение заработной платы трудящихся и пр.),
- переориентация государственных расходов с социальных целей на обеспечение развития конкурентной среды,
- торговая либерализация,
- ценовая либерализация,
- налоговая реформа,
- открытие границ для притока иностранных инвестиций,
- укрепление имущественных прав собственников (включая новых приватизаторов).

Когда я основательно разобрался с содержанием программы «нового» ельцинского правительства (сформированного им в конце октября

1991 года после разгона правительства И. С. Силаева), я увидел, что речь идет именно об этом самом пресловутом «вашингтонском консенсусе» профессора Уильямсона. Методологической основой экономической политики в рамках «консенсуса» являлись идеи чикагского профессора Милтона Фридмена в соединении с некоторыми положениями, которые к тому времени стали формироваться в доктрину международного монетаризма, проводником которой выступали деятели из МВФ.

Многие известные западные ученые и специалисты, в том числе из Латинской Америки, писали в тот период о том, что новая программа МВФ не только не улучшит общую экономическую ситуацию в странах Южного полушария, но, скорее всего, ускорит процессы деиндустриализации в них. Что и произошло в 90-е годы.

Отметим, что капитализм в странах Латинской Америки стал развиваться почти одновременно с его развитием в Западной Европе и Северной Америке — вместе с переселенцами-колонистами. Они привносили сюда элементы первоначального накопления капитала — опыт торговли, организации мелких компаний, банковской деятельности и т. д. Частная собственность, институты рынка, банковские и иные кредитные учреждения — все это здесь существовало веками. И если «вашингтонский консенсус» не срабатывал даже в этих условиях, то какие основания были пытаться его применить в России, только что объявившей о переходе на капиталистическую модель развития (это было впервые заявлено в моем докладе на сессии Верховного Совета России сразу же после подавления ГКЧП, 22 августа 1991 года)? Ни единого шанса на успех такая программа у нас не могла иметь!

Вскоре мне стала известна и реакция на «консенсус» известных ученых-экономистов США. Академик Г. А. Арбатов передал мне стенограмму дискуссии, которая прошла по результатам доклада профессора Джерри Сакса в Вашингтоне. Выступая в дискуссии, профессора Дж. Гелбрэйт, П. Самуэлсон, Василий Леонтьев и другие, прямо заявили о том, что план провальный, он не может в России обеспечить «тот эффект, который, возможно, следует ожидать от его применения в Южном полушарии...» Тогда же академик Г. А. Арбатов опубликовал статью с выразительным названием «Меньшевики из МВФ» с изложением материалов этой дискуссии, в которой предрекал не только неудачи «российских реформаторов», но и глубокий экономический кризис, спад производства и обнищание народа как прямое следствие реформ по сценариям МВФ (читай — «вашингтонского консенсуса»).

А что делают наши «великие реформаторы»? Вместе с провозглашением либеральных реформ (в рамках указанного выше «консенсуса») они вводят ценовую либерализацию и одновременно громогласно объявляют «об уходе государства из сферы экономики!» Что могло быть глупее! Рынка нет (в силу отсутствия конкуренции рыночных агентов), корпоративной экономики и экономики мелкого предпринимательства, на которых поκειται капиталистическая экономика, не существует, их все еще надо со-

Р. И. Хасбулатов

здавать (причем с помощью государства — этого единственного нашего актива). Не только я, но и многие другие профессиональные экономисты нашей страны, занимающиеся исследованием капиталистической экономики, были буквально в шоке. Они непрерывно мне звонили, добивались встречи, доказывали несостоятельность таких подходов к реформе экономики.

Я был очень встревожен таким развитием событий. Много раз (чуть ли не ежедневно) в тот период я встречался с Ельциным, членами правительства, указывая на пороки «их» экономической политики. Все было бесполезно — Ельцин выслушивал мои аргументы, хотя и с видимым недовольством, часто соглашался с необходимостью «корректировать», но упрямо поддерживал все то, что делало его правительство. Вначале я избегал высказывать публично свое несогласие с самой концепцией реформы, надеясь на достижение понимания со стороны Ельцина. Это уже позже, примерно с весны 1992 года, когда реформаторы увеличили скорость разрушения производительных сил, я стал выступать с трибуны Верховного Совета, съездов народных депутатов, в печати, указывая на неизбежные провалы президентско-правительственной деятельности в области экономических преобразований и обосновывая необходимость серьезных корректировок политики правительства.

Вот ответ на вопрос, который мне задают вплоть до сегодняшнего дня: «Когда и по какому вопросу у вас, Руслан Имранович, возникли разногласия с Ельциным?» Я неизменно отвечаю: «Разногласия возникли по коренным вопросам экономической политики».

Теперь реформаторы (прежде всего сам Гайдар) выдумывают всякие причины и небылицы, оправдывая отрицательные результаты своих реформ. Ссылаются то на грозящий голод, то на распад СССР (хотя фактически они приняли указанную программу еще в сентябре 1991 года, до распада, работая над ней в глубокой тайне). Они бесстыдно лгут, умалчивают о позорном для них факте заимствования негодного документа как фундаментальной базы проведения российских экономических реформ.

Американские эксперты (многие из них позже были привлечены к судебной ответственности в США за мошеннические операции в России) плохо представляли себе Россию, ее экономику и не могли быть полезными, как в этом убедилась страна. Предполагаю даже, что и Ельцина ввели в заблуждение Гайдар, Бурбулис, Чубайс и К^о. Зачем президенту знать детали?! Во всяком случае он был очень удивлен, когда я рассказал ему всю историю с правительственной программой. Но, видимо, команда сумела его успокоить. Ельцин упорно продолжал настаивать на верности избранного курса даже тогда, когда всему миру стал очевидным крах «консенсуса» — везде, где пытались применить его, дело кончалось плохо (углублением кризиса) и прежде всего в странах Латинской Америки. Тем не менее «консенсус» стал эталонной программой МВФ и его исполнительного директора, хитроумного Мишеля Камдессю, бесславно ушед-

шего в отставку после банкротства МВФ в ходе Азиатского кризиса 1997–1998 годов. «Консенсус» был окончательно похоронен в ходе этого Азиатского кризиса. Но как ни странно, российское правительство и после того кризиса и дефолта 1998 года упрямо продолжало (и продолжает ныне) проведение финансово-экономической политики в духе «вашингтонского консенсуса».

В России в 1992 году дело не дошло до открытых массовых антиправительственных бунтов населения в силу исключительно одного обстоятельства — публичной деятельности Верховного Совета, который, несмотря на яростное сопротивление президентско-правительственной власти, взял на себя задачу корректировки самых опасных последствий шоковой терапии.

Отметим кстати и то, что сам широко распространившийся термин «шоковая терапия» принадлежит польскому премьеру Бальцеровичу, который первоначально принял указанную гарвардскую программу и попытался ее внедрить, но быстро отказался от нее, просчитав губительные последствия. В результате, к примеру, «большая приватизация» в Польше началась более 10 лет спустя после того, как эта страна встала на путь радикальных реформ (в период второго президентского срока социалиста Александра Квасьневского). Польское правительство изначально избрало путь создания рыночной инфраструктуры и лишь после этого приступило к масштабной денационализации государственного сектора экономики. Следует отметить и то, что положения «вашингтонского консенсуса» не были реализованы в полном объеме ни в одной стране мира — ни в Восточной Европе, ни в Латинской Америке, ни в Африке, ни в Азии. Нигде, кроме России! Поэтому и деиндустриализация в России приобрела особый, гигантский размах! Страна со среднеразвитыми (по сравнению с ведущей группой стран мира) факторами производства за несколько лет реформ опустилась до уровня группы развивающихся стран.

В заключение своих эпизодических воспоминаний по вопросам создания банковской системы России хочу сказать следующее. Никто не может меня упрекнуть в преувеличении собственной роли в истории становления новой России. В этом нет нужды — она очевидна. Я председательствовал при трансформации социализма в капитализм, заверил народы России в том, что «наши реформы будут до конца направлены на создание достойной жизни российских граждан и укрепление могущества страны». Это было, отмечу, в первый же день после подавления ГКЧП, 22 августа 1991 года, на Чрезвычайной сессии Верховного Совета, созванной Президиумом в связи с организацией государственного переворота группой вице-президента СССР. При моем участии и под моим председательством было принято более 300 фундаментальных законов, обеспечивших мирный переход от социализма к капитализму. Все это было сделано не президентом и не правительством, а Верховным Законодателем — при моем прямом и непосредственном управлении указанным процессом.

Р. И. Хасбулатов

Еще совершенно неизвестно, что могло бы произойти со страной, если бы я в тот судьбоносный исторический период не находился на своем верховном посту! Скорее всего, Горбачев убрал бы Ельцина. Либо Ельцин свои «войны» затеял бы гораздо раньше и... проиграл бы страну. Возможно, она «разлетелась» бы на десятки полуфеодальных полугосударств, как это предрекали России российские же либералы в 1989–1992 годов. Все возможно. Но произошло лишь то, что произошло. И слава Всевышнему Богу, что российское государство не распалось, как СССР. От этой неминуемой гибели государство было спасено не героями, не деятельностью неких творческих сил народа (народ безмолвствовал), а исключительно милостью Господа Бога, разверзнувшего (открывшего) свои небесные врата для нескончаемого денежного потока многострадальному народу российскому. По моему мнению, у Всевышнего есть повод усомниться в том, насколько с пользой для народа используется его благодеяние. Но не об этом речь, об этом в другой работе, я заканчиваю свои воспоминания.

Однако хочу подчеркнуть следующее: я занимаю особое место среди государственных деятелей России как один из немногих, конкретно и лично участвовавших в создании современного российского государства, каким бы оно ни было — плохим или хорошим. Я больше, чем кто-либо другой из государственных деятелей страны, вправе сравнивать современную политику власти и бизнеса с теми представлениями о них, которые мной лично порождались в обществе, когда я добивался его (то есть народа) согласия на замену социализма на капитализм. Я лично внушал народу, что «наш, российский капитализм будет народным, подконтрольным обществу, не надо его бояться!» Поэтому, поверив мне не меньше, чем Ельцину (а может быть, больше), российский капитализм оказался построенным. И ныне преуспевающие государственные деятели и представители бизнес-элиты не должны были бы забывать, что они лично мне обязаны своими карьерами! А меня устранили из делового мира и политического процесса, самым наглým образом блокировали от общественно-экономической жизни государства! Им даже не приходится в голову реабилитировать Верховного Законодателя, заложившего мощный фундамент под «второй приход» капитализма в Россию. Неблагодарность, предание забвению политических и государственных фигур, игравших ключевую роль в трагические периоды, попытки собственного возвеличения в ущерб реальным творцам Истории — это удел слабых, лишь подтверждающий их случайный характер нахождения как во власти, так и в деловых кругах.